

Ирина Серeda

Белорусский государственный университет (Минск)

ТИП ПОДЛИННОГО ХУДОЖНИКА В ПРОЗЕ В. МАКАНИНА

TYP PRAWDZIWEGO ARTYSTY W PROZIE W. MAKANINA

Ключевые слова: герой, тип, «серединный» герой, массовый человек, подлинный художник

«Подлинные люди» (определение, заимствованное из романа Анатолия Кима *Белка*, 1984) представляют абсолютное меньшинство в художественном мире Владимира Маканина, отражая авторские представления об идеале. Такой тип персонажей генетически восходит к «лишним» людям и противопоставлен в маканинской персонажной сфере «серединным» и «массовым». «Подлинным» героям присущи одухотворенность, живой ум, способность на высокие чувства, искренность, порядочность. У В. Маканина таковыми оказываются талантливые интеллигенты, в которых велика роль личностного начала. В отличие от других категорий героев, «подлинные» всегда наделяются автором историей жизни, проявляющейся в тексте в форме воспоминаний, опыта или снов, что говорит об особом отношении к ним писателя. Одна из модификаций, в которой реализуется указанный тип, – художник (в широком смысле слова).

Традиционно представитель творческой интеллигенции у В. Маканина – «уникальная, незаурядная личность, человек, которому открывается душа мира», который стремится дать представление о гармонии, призванной вытеснить дисгармонию, хаос бездуховности. Важнейшая черта такой личности, по мнению Светланы Имихеловой, –

«способность к самоанализу»¹ и глубокому осмыслению процессов, происходящих в окружающем мире.

К категории подлинных художников в прозе В. Маканина можно отнести композитора Георгия Башилова (*Где сходилась небо с холмами*) и писателя Игоря Петровича (*Портрет и вокруг, Погоня, Один и одна, Сюжет усреднения* и др.), образы которых наделены, по мнению некоторых исследователей, чертами автобиографизма², что указывает на близость позиции творческих героев самому автору. Предположительно, через создание такой модификации названного типа В. Маканин осуществляет процесс жизнетворческого самопознания.

Появление в повести В. Маканина *Где сходилась небо с холмами* (1984) образа музыканта неслучайно: младший брат писателя занимался музыкой и размышлял о карьере композитора, а сам В. Маканин после окончания университета самым серьезным образом увлекся изучением музыкального творчества.

В трактовке автора, пение в поселке на различных мероприятиях – не просто развлечение, но «важная часть местной «субкультуры», коллективного самовыражения»³. Неудивительно, что в такой среде родился и сформировался мальчик Жора Башилов, «обладатель чудного голоса и идеального слуха»⁴, вырвавшийся в дальнейшем из барачной тесноты в Москву, реализовавшийся там как талантливый музыкант и композитор. У В. Маканина герой проходит процесс творческого развития, «растет год от году»⁵, уподобляясь то созревающему ячменному колосу, то зеленеющему кусту, которые вместе с тем истощают почву,

¹ С.С. Имixelова, *Проблема самоидентификации человека и ее осмысление в русской прозе второй половины XX века*, «Вестник Томского государственного педагогического университета» 2000, вып. 6, с. 55.

² См. М.Ф. Амусин, *Алхимия повседневности: Очерк творчества Владимира Маканина*, Москва 2010, с. 185; М.П. Абашева, *Владимир Маканин: формулы самопознания*, [в:] М.П. Абашева, *Литература в поисках лица (Русская проза конца XX века: становление авторской идентичности)*, Пермь 2001, с. 80; А. Марченко, *Этимология шестидесятых*, «Согласие» 1993, № 4, с. 180; С.Ю. Мотыгин, *Прямая линия? Эволюция прозы В.С. Маканина*, Астрахань 2001, с. 37; Н.П. Хрящева, *Ситуация «возвращения» и ее роль в сюжете повести В. Маканина «Где сходилась небо с холмами»*, [в:] *Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания*, ч. I, отв. ред. М.П. Абашева, Пермь 2007, с. 166 и др.

³ М.Ф. Амусин, *Алхимия...*, с. 186.

⁴ Там же, с. 186.

⁵ В. Маканин, *Где сходилась небо с холмами*, [в:] В. Маканин, *Кавказский пленный*, Москва 1997, с. 161.

породившую их: Башилов как бы «выкачал» певческие ресурсы из родных мест, используя их в своем творчестве, а сам поселок покинул.

В повести автор развивает излюбленную «идею о сообщающихся сосудах»⁶, или равномерном перераспределении жизненных благ, особенно отчетливо прозвучавшую в рассказе *Ключарев и Алимущкин* (1977). Но если ранее персонаж оказывался удачливым по воле судьбы, то в данном произведении речь идет о необходимости личностной реализации, которая возможна только путем отрыва от барачной безындивидуальности. В концепции В. Маканина отчетливо проступает оппозиция «индивидуальное – массовое»: «Личность, чтобы пробиться, должна одолеть коллективное начало, не дать ему задавить себя»⁷. Маканинский герой ощутил это достаточно рано: «Башилову было восемь, кажется, лет. Но мальчик уже тогда был нацелен. Инстинктом, пальцами, нежной кожей щеки он уже верно чувствовал опасность, когда уступить им значило быть личностно задавленным...»⁸. Парадокс в том, что он и черпает из родного истока, и боится остаться на самодеятельном уровне, если не освоит сферу мировой музыкальной культуры и не обретет свободу для самостоятельного творчества, зависнет в традиции, хранителями каковой являются поселковцы, растворится среди них. Перспектив для полноценного развития таланта в поселке нет. И герой ставит в приоритет индивидуальное становление, противопоставив себя таким образом поселковой общности.

Подтверждением подлинности таланта музыканта становится эпизод прослушивания австрийцем сочиненного Башиловым квинтетного скерцо, созданного «на основе поселковского мелоса»⁹, когда композитор С. отмечает в произведении в качестве лучшей именно «поселковскую» часть: «Это музыка, западающая в душу!»¹⁰. Однако факт признания таланта не освобождает героя от ответственности, что и показывает автор.

Поедаемый чувством вины и угрызениями совести, Георгий Башилов размышляет над проблемой долга человека творческого перед его малой родиной и приходит к выводу, что вина его невольная, «ибо если художник и высасывает соки из почвенного пласта, то явление это

⁶ М.Ф. Амусин, *Алхимия...*, с. 186.

⁷ Там же, с. 188.

⁸ В. Маканин, *Где сходилась...*, с. 169.

⁹ Там же, с. 178.

¹⁰ Там же, с. 189.

широкое и общее и нельзя процесс ставить в вину одному, отдельному человеку»¹¹.

В подтексте можно проследить, что процесс «выкачивания» народного творчества связан с более масштабными тенденциями, нежели случай становления отдельной личности, а именно набирающими обороты товарно-денежными и потребительскими отношениями, важными составляющими жизни массового общества: «Что он там успел, что высосал-выпил, два-три глотка? но тогда шлягеры – это же насосы, откачивают сотнями кубов и разрушают, корежат, богатеют, держат голову высоко, подменяя собою суть и себя же невольню за суть принимая. Мы хоть мучимся своей долей вины...»¹². Как «подлинный» человек, Башилов испытывает чувство ответственности за свою малую родину и поэтому ощущает, что песни вытянул, а с ними – душу народную, и «постоянно винится, совестится, принимает на свой счет. Он даже готов к возмездию, к наказанию свыше за невольный грех. Окружающие все чаще видят в нем чудака, слегка свихнувшегося на этом пункте»¹³. Совестьливость – черта, присущая в маканинском мире интеллигентному человеку тонкой душевной организации. Чувство долга, муки совести от перманентно испытываемого чувства вины трижды возвращают Георгия на родину, и только в свой третий приезд герой действительно пытается вернуть невольный долг, озаренный идеей учить музыке местных детей, возродив таким образом песенное творчество. Однако реакция поселковцев, выразившаяся в словах племянника Чукреевых, с которым музыкант делится своими планами («– Чего тебе надо? (...) Вали отсюда!»¹⁴), становится препятствием для реализации задуманного и создает «ситуацию невозвращения» героя к истокам¹⁵. Здесь В. Маканин затрагивает проблему ненужности культурного развития массовому человеку, поглощенному прагматизмом и достижениями общества потребления, которая емко выражается во фразах, всплывающих по ходу повествования в голове Башилова: «Разве плохо детям учиться музыке?» и «А зачем?»¹⁶.

¹¹ Там же, с. 199.

¹² Там же, с. 184-185.

¹³ М.Ф. Амусин, *Алхимия...*, с. 187.

¹⁴ В. Маканин, *Где сходилась...*, с. 202.

¹⁵ Н.П. Хрящева, *Ситуация...*, с. 172.

¹⁶ В. Маканин, *Где сходилась...*, с. 202.

Таким образом, душевные страдания, испытываемые Башиловым, его несовместимость с поселковцами могут рассматриваться как расплата за разрыв связи с поселком, то есть отрыв от массы, «серединности», но в маканинском мире это единственный путь обретения подлинного бытия.

Писатель Игорь Петрович (*Портрет и вокруг, Погоня, Один и одна, Сюжет усреднения* и др.) – один из сквозных героев маканинской прозы. В диссертации Евгении Кравченко он рассматривается как «alter ego»¹⁷ автора, что небезосновательно. По словам Сергея Мотыгина, у Игоря Петровича «та же профессия и отношение к писательскому труду»¹⁸, что и у В. Маканина, в *Портрете и вокруг* герой также посещает сценарные курсы, а Алла Марченко называет его «охотником за типами»¹⁹, что подтверждает тот факт, что В. Маканин является создателем галереи типов нашего времени (Владимир Бондаренко).

Е. Кравченко отмечает, что образ Игоря Петровича эволюционирует²⁰, изменяясь от текста к тексту в соответствии с трансформацией художественного метода В. Маканина. На наш взгляд, образ данного героя является динамичным, претерпевая изменения от «серединного» человека в *Погоне* к подлинному художнику (слушателю, наблюдателю, аналитику) в повести *Один и одна* и эссе *Сюжет усреднения*.

В повести *Погоня* (1979) Игорь Петрович как старый знакомый оказывается втянутым в спекулянтские авантюры главной героини, пребывающей в поисках иконы. В этом произведении он показан «не бесталанным» прозаиком, ведущим жалкое, зависимое и ничтожное существование, но все-таки человеком порядочным.

В *Портрете и вокруг* (1978) налицо процесс развития образа, и смысловым итогом работы над книгой о Старохатове, портрет которого так и не удалось создать в тексте из-за непонимания образа героя, является самопознание и эволюция, что также отмечается литературоведом Мариной Абашевой: «узнавая своего героя, он узнает самого себя, почти помимо воли проходя путь самопонимания»²¹. Создание В. Маканиным произведений с образом писателя, работающего над своим творением, М.

¹⁷ Е.А. Кравченко, *Художественный мир В.С. Маканина: концепции и интерпретации*, Москва 2006, с. 73.

¹⁸ С.Ю. Мотыгин, *Прямая линия...*, с. 37.

¹⁹ А. Марченко, *Этимология...*, с. 180.

²⁰ Е.А. Кравченко, *Художественный мир...*, с. 82.

²¹ М.П. Абашева, *Владимир Маканин...*, с. 81.

Абашева называет «(само)познанием и (само)идентификацией, где «само-» спрятано и скрыто не только для формулирования, но, возможно, и для сознания»²².

В *Портрете и вокруг* Игорь предстает уже как пронизательный, чуткий человек, хорошо разбирающийся в людях (насквозь видит Веру, осознает, каковы их реальные взаимоотношения со Старохатовым), писатель-аналитик, тонко чувствующий отдельные грани характера Старохатова, избранного в качестве объекта изучения, способный делать обобщения, прогнозировать ход развития событий, разгадывать загадку Старохатова с целью нахождения истины.

Суть писательской позиции Игоря, связанная с его восприятием окружающего мира, выражена в одной из фантазий о вероятном, но не сложившемся произведении с образом писателя в центре:

Мог быть рассказ о том, как некий писатель или, скажем, сценарист живет своей жизнью, не смешиваясь с окружающей средой и суетой, – он пишет повесть за повестью, он трудолюбив – он вглядывается в людей, всматривается, а они все покупают и покупают мебель, машины, дачи. И ничего в них больше не разглядеть, как ни всматривайся в них и как ни портретируй²³.

В предложенном отрывке видно противопоставление себя и типичного представителя «мебельного» времени, которого Игорь не может и не хочет избрать в качестве прототипа и отчасти поэтому серьезно увлекается сложным, но интересным процессом исследования образа сценариста. Сам писатель также не хочет быть поглощенным исключительно материальными заботами, поскольку еще в юности утвердился во мнении, что «художник в наш век не может быть одновременно и художником и семьянином»²⁴, ведь семьянин должен быть сосредоточен на содержании семьи, с чем у Игоря на протяжении повествования постоянно возникают проблемы. Хотя В. Маканин указывает на признание женой писательской уникальности Игоря (разделяя литературу на «умную» и «неумную», Аня считает его

²² Там же, с. 83.

²³ В. Маканин, *Портрет и вокруг*, [в:] В. Маканин, *Портрет и вокруг. Один и одна*, Москва 1991, с. 27-28.

²⁴ Там же, с. 167.

представителем первой, то есть «сложным художником»²⁵), все же герой показан в непрерывной борьбе за свое детище, ввиду того, что приоритеты давно расставлены: «Я живу не тщеславию. Я живу своим самовыражением»²⁶. И человек, бросивший искусство, сравнивается героем с кастрированным конем также неслучайно, ведь в процессе развития сюжета персонаж неоднократно оказывается в ситуации выбора: искусство и подлинное бытие или ремесло и деньги.

О писательской и человеческой порядочности героя свидетельствует нежелание Игоря копаться в чужом белье. Об этом становится известно из эпизода разговора с Верой, когда она в очередной раз пытается «надавить» на него, преследуя исключительно цель отомстить сценаристу: «мне не важно, грязное это белье, или чистое, или только два дня в носке: я не хочу в нем рыться – вот что важно»²⁷. Также указанная характеристика подчеркивается в тексте тем фактом, что Вера доносит-таки на Старохатова, а Игорь в ответ на сложившуюся ситуацию, когда испорчена жизнь человека, заявляет: «Я не хочу, да и не умею превращать свой труд в жалобу, поданную на имя вышестоящего начальника»²⁸.

В финале возникают слова, приписываемые Игорем Старохатову, связанные с причиной неудачи первого в процессе создания романа: «Тебе не хотелось писать о самом себе. (...) искал-де разгадку во мне, а поищи-ка ее в себе, не та ли самая окажется?..»²⁹, что действительно указывает на качественную самопрезентацию и самоанализ Игоря Петровича в процессе исследования фигуры сценариста (заметим, что эти отрывки текста и явились материалом для анализа образа рассказчика). Однако в противовес появляется фраза, утверждающая жизненную позицию героя: «(...) я как-никак пока никого не обираю, и мы с женой честные люди...»³⁰. Она же предельно четко выражена в размышлениях Игоря Петровича о возможном типичном («середином», массовом) сценарии их будущей жизни:

Иногда думаю, что было бы, если бы Аня шагала и шагала дальше, нравясь директору все больше и больше, а мы бы переехали в трех-, а потом

²⁵ Там же, с. 167.

²⁶ Там же, с. 167.

²⁷ Там же, с. 52.

²⁸ Там же, с. 207.

²⁹ Там же, с. 213.

³⁰ Там же, с. 213.

и четырехкомнатную квартиру, мы бы покупали и покупали, и у нас было бы много энергичных друзей, помогающих купить то цветной телевизор, то машину, а я бы все писал – днями и ночами, я бы все писал тот последний портрет, на котором сломал себе шею, на котором поломались мои товарищи, на котором сломалось все наше время. Мог быть рассказ³¹.

Как видим, потребительские настроения не просто идут вразрез с представлениями героя о «подлинном» бытии, но и мешают обретению своей истинной человеческой и писательской сущности.

В повести *Один и одна* (1987) Петрович наделен не ролью рядового повествователя, «он сводит две судьбы в пространстве текста, знакомит двух неприкаянных людей одного “выводка” друг с другом»³². Будучи благородным человеком, искренне участвующим в жизни Геннадия Голощекова и Нинели Николаевны, повествователь довольно быстро переходит из разряда «чужих» в ранг «своих» для героев. Показательны слова героини, характеризующие представителей их «выводка» и в полной мере относящиеся к образу Игоря, что, видимо, их и сблизило: «Они, мол, остались достойны себя. Они такие. Даже и потесненные, сошедшие на нет, зажатые в одинокие углы, они остались, уходя, самими собой, в них не было и нет усредненности и прагматизма – в них было и есть лицо»³³. Непохожесть приятеля на современных прагматиков и циников и в дальнейшем подчеркивается Ниной:

– *Что-то ты не похож на своих – и как это ты с бытом не сладил?*

И утешает:

– *Ты еще вывернешься... Купишь машину и дачу, хорошо устроишься. Все придет, Игорь, – ты не волнуйся, не волнуйся...*³⁴.

Однако позиция героя уже обозначилась и прочно закрепилась, что мы наблюдали еще при анализе образа героя в романе *Портрет и вокруг*. Стойкость духа и близость по взглядам скорее к «одной» и «одному», нежели к типичным представителям «мебельного» времени, прослеживается в возможном сценарии собственной судьбы, предложенном Игорем:

³¹ Там же, с. 214.

³² М.П. Абашева, *Владимир Маканин...*, с. 83.

³³ В. Маканин, *Один и одна*, [в:] В. Маканин, *Один и одна: Повести*, Москва 1988, с. 56.

³⁴ Там же, с. 97.

Иногда ловлю себя – вдруг случай, а вдруг изгиб судьбы; (...) я, в сущности, уже примериваю на себя и заранее присматриваю модель одинокой жизни (...). Одна из хитростей, если не потаенностей, состоит как раз в том, что неизвестное наше будущее подает тем не менее нам знаки и просвечивает из своего далека нам уже сейчас, в обычные и рядовые наши минуты. Будущее не много- или, пожалуй, не столь уж многовариантно, и потому, просачиваясь в мысли и повседневность, оно не случайно фиксирует нам в повседневности тех или иных людей, оно их в нас засвечивает. Не мы провидим будущее; оно – нас. Нам как бы подсказывают. Опять и опять по небу идут облака, которые через какое-то время наши тучи. Мы их узнаем. Или не узнаем. По ровному небу на нас набегают наше будущее³⁵.

В целом, перед нами довольно распространенный вариант судьбы подлинного художника (шире – человека) в мире В. Маканина, когда он ввиду наличия особой мировоззренческой позиции не вписывается в массово-потребительское общество, тем самым обрекая себя на одиночество.

В ходе анализа выявлено, что зачастую «серединность» – это одна из стадий в процессе эволюции персонажей на пути к обретению истинной сущности. Пробившиеся сквозь посредственность массы, маканинские герои становятся «подлинными» людьми. Внутренняя наполненность образов таких героев обеспечивает им высокий статус избранного меньшинства, элиты в художественном мире В. Маканина, делает их запоминающимися для читателя и позволяет занять достойное место в рядах персонажной сферы современной русской литературы. Сам же В. Маканин через создание подобных образов нацеливает на обретение каждым своей подлинной сущности.

Список литературы:

1. Абашева М.П., *Владимир Маканин: формулы самопознания*, [в:] М.П. Абашева, *Литература в поисках лица (Русская проза конца XX века: становление авторской идентичности)*, Пермь 2001.
2. Амусин М.Ф., *Алхимия повседневности: Очерк творчества Владимира Маканина*, Москва 2010.

³⁵ Там же, с. 138.

3. Имixelова С.С., *Проблема самоидентификации человека и ее осмысление в русской прозе второй половины XX века*, «Вестник Томского государственного педагогического университета» 2000, вып. 6, с. 51–55.
4. Кравченкова Е.А., *Художественный мир В.С. Маканина: концепции и интерпретации*, Москва 2006.
5. Маканин В., *Где сходилась небо с холмами*, [в:] В. Маканин, *Кавказский пленный*, Москва 1997, с. 150–206.
6. Маканин В., *Один и одна*, [в:] В. Маканин, *Один и одна: Повести*, Москва 1988, с. 3–222.
7. Маканин В., *Портрет и вокруг*, [в:] В. Маканин, *Портрет и вокруг. Один и одна*, Москва 1991, с. 4–214.
8. Марченко А., *Этимология шестидесятых*, «Согласие» 1993, № 4, с. 179–192.
9. Мотыгин С.Ю., *Прямая линия? Эволюция прозы В.С. Маканина*, Астрахань 2001.
10. Хрящева Н.П., *Ситуация «возвращения» и ее роль в сюжете повести В. Маканина «Где сходилась небо с холмами»*, [в:] *Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания*, ч. I, отв. ред. М.П. Абашева, Пермь 2007, с. 166–173.

THE TYPE OF A GENUINE ARTIST IN MAKANIN'S PROSE

Summary

The actual problem of the genuine hero of modern literary criticism is examined in V. Makanin's prose of 1970–1990s. Creative people, artists (in a broad sense) occupy a special place in his system of characters. Traditionally the creative intelligent in V. Makanin's world is a unique thinking person, who is able to see the soul of the world and has the ability to deep understanding of individual and social processes taking place in the surrounding world.

During the analysis it was revealed that "seredinnost" can be one of the stages in the course of evolution of the character, but is not regarded as his defining characteristic. For example, broken through mediocrity of mass Igor Petrovich becomes the "genuine" person that provides him to be one of a key figure in V. Makanin's world of art.

As a rule, the images of genuine artists are autobiographical, reflecting their proximity to the esthetic ideal of V. Makanin. While creating such characters the writer carries living-creative process of self-discovery in his texts.

Keywords: hero, type, "middle" hero, mass man, "genuine" man